

Лит. газета. - 1995. - 29 марта. - 93.

Поэт, совпавший и обликом, и образом (в моем восприятии) с Дон Кихотом Ламанским — такой идеальный дворянин с арбатского двора, ставший затем арбатским эмигрантом, с гитарой вместо шпаги на вечном жизненном поединке за Честь, Достоинство и Благородство, оказался в наше суеутило-тусовочное времячко каким-то совсем не бомондистым. Редкий вечер не светятся окна в его переделкинском доме, а если они темны, это скорее всего значит, что Окуджаву в поездке. Нынешней зимой — Петрозаводск, Рига, Ярославль, Петербург, а до этого Вильнюс, Новосибирск, Нижний Тагил, Киев, Париж... Выступления, встречи (в том числе с коллегами, например, с писателями Латвии), вечера — как в давней песне: "Работа есть работа, / работа есть всегда. / Хватило б только пота / на все мои года". И хотя он иногда сетует, что ездит много, а пишет мало, воспринималось это как строгую требовательность к себе. Потому что на столе — раскрытая толстая тетрадь, вбирающая новые стихи (некоторые из них, может, — дай-то Бог — обретут мелодию и станут песнями). Большая подборка подготовлена для журнальной публикации. А в "Знамени" появилась только что целая поэтическая книжка — 21 стихотворение

(самое раннее — 58-й год, позднее — 94-й), эпиграфом к которой можно поставить его собственные строки: "Сочинилось как-то так, само собою / что среднее меж песней и судьбою" или пастернаковское, хрестоматийное: "...и дышит почва, и судьба". Название этой книжки — "Житейские печали". Вот о них, о печалях наших, тревогах и разочарованиях, говорили мы зимними сумерками в ожидании "марта великодушного" (когда-то в зимние сумерки застоя Окуджаву называли так свой поэтический сборник). Да, великодушного, потому что призван пробуждать, освобождать от скванности, оцепенелости. "Зачем отчаиваться, мой дорогой? / Март намечается великодушный!" Но будет ли так на этот раз?

В дни сомнений, в дни тугостных раздумий о судьбах родины, как писал классик, а стало быть, о наших собственных судьбах мы обращаемся к тем, чье мнение для нас небезразлично, их мучаем вопросами, над которыми сами бьемся. В.Астафьев пенял мне в недавней беседе: "Задаешь вопросы о нашей жизни — сама ответит на них не можешь, а меня спрашиваешь". Да, бывает, не могу, не нахожу ответа, а случается, нахожу и хочу соотнести, сверить свое понимание.

■ Как все это вместе — хмельное, острое, дикое, одетое в бархат и в золото, в прах и равние — гордится величием! И все-таки слово "великое" относится больше к размерам, чем к сути ее.

■ Пространство меня удручает, влечет, настораживает. Оно — как посуху слепому на шатком крыльце: то белое, красное, серое, то вдруг оранжевое, а то голубое... Но черное в самом конце.

■ Меня удручают размеры страны проживания. Я в детстве, представьте, гордился отчиной такой. Не знаю, как вам, но теперь мне милей и желаннее мой дом, мои книги и мир, и любовь, и покой.

■ Как все это вместе — хмельное, острое, дикое, одетое в бархат и в золото, в прах и равние — гордится величием! И все-таки слово "великое" относится больше к размерам, чем к сути ее.

■ Пространство меня удручает, влечет, настораживает. Оно — как посуху слепому на шатком крыльце: то белое, красное, серое, то вдруг оранжевое, а то голубое... Но черное в самом конце.

Памяти

Бориса Чичибабина

Ускользнул от нас Борис. А какой он был прекрасный! Надо судьбою мы не властны, хоть борись — хоть не борись.

■ И глядишь издали, улыбаются и плачут...

Время ничего не значит — перед ним — века, века...

Шутка

Тщеславие нас всех подозревает. Пока ж никто и не подозревает, как мы полны тщеславием своим, давайте в скромных позах постоим.

А это значит: не боксер на ринге, не заводила, отвори да брось, — а глазки в пол, а ручки на ширинке, а пятки вместе, а носочки врозь.

И вот тогда удача улыбнется, тогда и пострелям по своим. Кто рвется к власти — власть ее нажрется... А нынче в скромных позах постоим.

■ На почве страха и тоски рождаются в башке химеры. Я трачу чистые листки, изображая их манеры.

И, растворяясь по капельке в воздухе, может, когда-нибудь выйдут на свет сладость раскаянья, слезы и отзвуки боли, чему и названия нет.

В том же номере "Знамени" — замечательное совпадение! — опубликованы пронзительно-исповедальные, мудрые "Поденные записи" Д.Самойлова, и в них среди прочих — его размышления о вине, совести. И тут же твои строки: "Я знаю этот мир не понаслышке: / я из него порос. / Но за его утраты и излишки / с меня сегодня спрос".

Да, с меня спрос как с гражданина этого государства. Не с меня сегодняшнего, а с меня, жившего жизнью своей страны, когда я верил в жизнь, подавался на коммунистические лозунги. Ты спросила о русском фашизме. Государство обязано принять срочные меры, не давать разрастаться фашистским явлениям. Появился наконец-то президентский указ. Ждали его давно. Окажется ли он действенным? — хочется надеяться. Посмотрим.

■ У власти чеченские "бандформирования" — как долго не шли из головы, где тут было возмущаться еще о каких-то "вервольфах" или прочих фашистских организациях и их печатных листках — распадах оголтелого национализма. У указ явно "датский" привкус, подоспел как раз к подготовке праздника Победы, а когда снова наступит буря — вспомнят ли о нем? По странному совпадению в день обнародования указа выпустили из-под стражи Веденкина, как будто дали понять: указ исполнен, "а Вася слушает да ест".

Все же я считаю, что русский фашизм не сможет развернуться. Ему не позволят сделать это. Мир смотрит на нас с напряжением, и мы это понимаем, понимают и президент, и правительство, и парламент, хотя, может быть, не до конца.

■ Не в парламенте слушания "О преступлении проявлений фашистской опасности в Российской Федерации" вылились в поистинный спектакль, где произносились горделивые монологи на тему "мы не фашисты, мы националисты", выдвигались призывы ликвидировать 74-ю статью Уголовного кодекса о разжигании национальной и расовой вражды и вообще заявлялось, что в России фашистских организаций нет. В этом спевшемся хоре потонули голоса тех, кто встревожен фашистскими увлечениями молодежи.

Я этому ничуть не удивляюсь. Что, мы не знаем, что такое Дума? Да та же советская власть. Она продолжаете, только изменила внешние признаки, выдвинула новые лозунги, а суть осталась прежняя. То, что Дума отстранила уголовно-полицейского по правам человека, вызвала Сергея Адамовича Ковалеву недовольно, — это советская власть. То, что во главе армии до сих пор стоит министр, который и врал много, и гордился солдатами, "умирающими с улыбкой", и то, что он себе позволяет и ему позволяют, — это советская власть. А президент, убеждающий нас, что в Чечне все идет нормально? В чеченской ситуации я вижу опять продолжение советской власти, которая всегда была примитивная, прямолинейная и грубая, никогда не интересовалась особенностями разных народов, тонкостями национальной психологии. Никакой. У президента и его команды было много всяких способов — разоблачать, использовать экономические методы, договариваться, еще какие-то пути надо было находить, а не пускаться очертя голову в кровавый поход против своего народа. Даже говорить не хочется на эту тему. Отвратительно все. Заявлял в этой ментальности, в этой советскости и очень трудно от нее избавиться. К сожалению, правы, видимо, те, кто считает, что чеченская проблема надолго, что война там будет затяжной.

■ Но вдруг бы президент спохватился, ударил кулаком по столу: вывеси немедленно войска! И вот я себе представляю такую картину: перед тем, как войскам уйти, все встали на колени. Молчание. А потом уже — переговоры, наведение порядка... Кликуны бы клич по России, и добровольцев-строителей набрали, и деньги, которые затрачены на войну и еще трагические будут, отдали бы на строительство... Но амбиции не позволяют нашим руководителям поступать по-человечески. Как это стыдно!

■ "Факкультеты ненужных вещей" не заканчивали, нравственными понятиями себя не утруждали. В этом главное наше разочарование — мы, конечно, надеялись, что власть будет более нравственная, — увя!

■ Наше общество находится на очень низком культурном уровне. Если бы уровень культуры был иным, более высоким, то и власть была бы иной — более высоко-нравственной. Иначе она не смогла бы властвовать.

Срисовавваю их с себя, гляжу на них пугавым оком, как, издаваясь и сопя, они бесчинствуют под боком.

И искаженный профиль мой со стороны всего виднее... Пожалуй, не предать бледнее перед сумой и тюрьмой.

К юбилею профессора Жоржа Нива

Ах, Жорж Дантес убит поэта! И прокляты были оклады на это. А Жорж Нива поэтам друг — известно мне из первых рук.

В словесности русскую влюбленный, он с гор слепает, окрыленный, и вносит нехасыный свет в Женевский университет.

К чему ж я вспомнил про Дантеса? Он был бездельник и повеса. Иное дело Жорж Нива — мой друг, профессор, голова.

А вспомнил потому, наверно, что в мире есть добро и скверна, что принцип нашего житья — два Жоржа разного шитья.

И счастлив я, что с т т м дружен, что с т о т Жорж мне мил и нужен, что с н и м беседы я ведаю... А т о т пускай горит в аду.

■ Давайте чашу выседем хрустальную из голубого хрусталя под музыку резца печальной в честь ловких пальцев кустара.

Давайте позабудем гордость вздорную на диком берегу своем. На чашу гляди ту, на рукотворную, иные дали воспом.

В который раз не зря ж мы души подняли и речь о правде завели... На свете нет заботы благороднее, чем украшение земли.

— Сегодня снова актуальна твоя старая песня:

Римская империя времени упадка сохраняла видимость твердого порядка: Цезарь был на месте, соратники рядом. Жизнь была прекрасна, судя по докладам.

Вот "судя по докладам" президент ничего сумяшуся заявляет, что ему "нравится" нынешняя ситуация в России, характеризующаяся совместной работой разных ветвей власти". Ай да ветви, ай да власть — увидеть бы еще, чего доброго она сделала.

— Конечно, каяться президенту придется. Придется. Но до конца своего срока он должен дослужить в этом кресле. Замена — она и парламента касается — дело сложное, потому что мы ищем ее обычно в том же ящике с номенклатурной колодой — оттуда все карты вытаскиваем.

— Существует мнение, что происходящее в Чечне — это прямое продолжение октября 93-го года, когда интеллигенция поддержала Ельцина, вернее, часть интеллигенции, а, например, М.Г.Гестер, как известно, покинул президентский совет, выразив там самым протест.

— М.Г.Гестер считал необходимым для себя уйти, а М.Чудакова посылала необходимым для себя остаться, чтобы всеми доступными ей способами оказывать давление. Другое дело, удается ли его оказывать. Я к этим структурам не близок, мне трудно судить конкретно. В октябре 93-го началась коммунистическая атака, понеслись крики: "Вперед, на Кремль!", "Возьмем Останкино!" Конечно, это надо было предвидеть и действовать решительным образом раньше, не допускать, чтобы Белый дом превратился в коммунистический бастион с засевшими там баркашниками. Но раз уж такое случилось, пришлось принимать меры. И в этой трагической ситуации интеллигенция, защищая новорожденное демократическое дитя, естественно, приняла сторону президента, а не парламента. Думаю, что Ельцин так велел себе в чеченском конфликте не потому, что в истории с Белым домом его поддерживала интеллигенция. Он — из школы советской власти, а эта власть иначе поступать не умеет.

— Я видела тебя на Лубянке у Солovieвского камня, где собирались "мемориалы" и другие протестующие против чеченской войны. Народу было немало, но не столько, как в прежние годы на демократических митингах, а ведь, кажется, нет повода более серьезного, трагического, и как по-другому от этого может вызвать общественность свое мнение — всеобщий забастовкой?

— Люди перестали ходить на митинги, потому что поняли: никакого интереса к общественному мнению у власти нет, оно ей только мешает. Раньше, когда мешало, что делали — "лечили" в психушке, сажали в тюрьму, отправляли в лагерь. Теперь это нельзя вроде бы. И власть говорит: "Что вам нужно — свободу? Вы ее получите. Получили свободу слова, так высказывайтесь, высказывайтесь..." А мы не будем обращать на вас внимание. Подумаешь, какое-то население, подумаете, что-то требуют. Шахтеры, те могут уголь не дать, а вы — что?" Разве не советская власть?

— И как же тогда общественности выражать свое мнение?

— А как иначе можно бороться? Я не сторонник баррикад. По-моему, только так — опять с помощью прессы, собраний, открытых писем. Не молчать. Раскрывать людям глаза, разъяснять, просвещать, протестовать.

— Сегодняшняя ситуация здесь не поощряет тебя думать о том, чтобы куда-нибудь уехать, переехать?

— Мне уже поздно об этом думать, во-первых. Во-вторых, я и раньше, когда был моложе и имел такие возможности, никогда к ним не прибегал. Я не мог себе представить, вие России.

— И сегодня она остается для тебя такой же Россией?

— Нет, не такой же. Я ее лучше узнал, я многое понял, и мне в ней многое отвратительно. Но, знаешь, — родная грязь. Я прикипел к этому. Когда за границей бываю, чувствую себя туристом, не представляю, как я мог бы там остаться. Пытался воображать — у меня это не получалось, я умру от тоски. Это характер. Дело не только в языке. Там многое мне мило, многое отвратительно, как везде, но милое — мне чужое. Как будто я в театре побывал: прекрасно, но жить хочется у себя дома.

Булат ОКУДЖАВА

в беседе с Ириной РИШИНОЙ

Житейские печали

Разговор на фоне стихов

имся, а ему надо, чтоб стало лучше не в смысле нравственной атмосферы, морали общества, свободы духа, а получше материально, и с него достаточно. Если денег много, рассуждает он, все и всех можно купить — и милиции взятку сунуть, и еще кому надо, и все будет сделано. И он себя ущербным отношь не считает. Один целото, то, что он умеет делать, что обязан исполнять как профессионал. Вот и все, такой простой рецепт излечения недуга, поразившего наше общество.

— Но ведь часть общества видит выход в возврате к прошлому.

— Судя по всему, существует некая группа людей, которая искренне желает восстановления прежнего режима. Эти граждане готовы поднимать на шит и Сталина, и КГБ, и КПСС. Преступление тоталитарного государства, ложь, убийства, кровь... — это их не трогает. Тут все-таки, видимо, проблема поколенийская. Казалось, Павлик Морозов, Корчагин, Чапаев — навеки. А новое поколение их уже не воспринимает. На днях мне рассказали анекдот. Маленького мальчика спрашивают: "Вовочка, как такой Чапаев, знаешь?" — "Знаю: негр". — "Почему он негр?" — "Потому что с белыми воевал". Так вот расстается со своим героическим прошлым. Гораздо больше, по-моему, людей не то что мечтающих вернуться к социализму, нет, нет, но не довольных сегодняшним днем, тем, что перемены, которые они очень хотели, не осуществились, что на них свалились новые трудности. Они не ожидали такого поворота, и это вызывает непонимание, неприятие реформ в их нынешнем виде.

— Люди устали от непредсказуемости, от бесконечных психологических перегрузок.

— Конечно, конечно... Помню, как я рвался на фронт быт фашистов, а потом на передовой мечтал хоть на три дня попасть в госпиталь — и отоспаться чуть-чуть и немножко поест. Было такое... Но все же эта часть общества, несмотря на весь драматизм ситуации, на все сложности, ни в коем случае не считает для себя приемлемым вернуться к прежнему существованию. Другое дело, что она и активности, того горения, которое было вначале, теперь не проявляет.

— Сейчас много разговоров о том, не наступит ли у нас извечная коммунистическая зра фашизма. И ты не прошел мимо этой злободневной проблемы, включил в "Житейские печали" стихотворение, которое читал на вечер "Литвазеты" в концертном зале "Октябрь".

Вот какая странная пора: митинг с утра и до утра. Гитлеровские обноски примеряет как московский, а толпа орет ему "ура!"

Я прошу, конечно, извинить, только как это так расценить: русские фашистов били, но об этом что, забыли? И готовы свастикой носиться?

Ну, а может, это только сброд? Просто сброд хмельной развилью брод? Жаждал он как прежде скопом у услужные быть холопом?.. Ну а сброд — конечно, не народ...

— Может быть, это покажется странным, но меня не удивляет возникновение русского фашизма, его проповедь, проникновение в структуры власти. Видишь ли, очень серьезным провалом в перестроечные годы, на мой взгляд, было то, что мы не осудили КПСС. Я не имею в виду всех коммунистов. Среди них были прекрасные люди, демократически настроенные, устремленные к полному преобразованию страны, готовые к работе на новых началах. Не о них речь. О партии. Никого не казня. Это надо было вынести беспристрастный приговор за тот кошмар, в котором мы пребывали, за искажение нашего сознания, за все сотворенное на нашей земле зло. Так же, как осужден был на Нюрнбергском процессе гитлеровский нацизм — за преступления против человечности, — и мы обязаны были квалифици-

— Может быть, это покажется странным, но меня не удивляет возникновение русского фашизма, его проповедь, проникновение в структуры власти. Видишь ли, очень серьезным провалом в перестроечные годы, на мой взгляд, было то, что мы не осудили КПСС. Я не имею в виду всех коммунистов. Среди них были прекрасные люди, демократически настроенные, устремленные к полному преобразованию страны, готовые к работе на новых началах. Не о них речь. О партии. Никого не казня. Это надо было вынести беспристрастный приговор за тот кошмар, в котором мы пребывали, за искажение нашего сознания, за все сотворенное на нашей земле зло. Так же, как осужден был на Нюрнбергском процессе гитлеровский нацизм — за преступления против человечности, — и мы обязаны были квалифици-

— Если у этих молодых специалистов есть зачатки личности, как бы туго им ни приходилось, на сделки с совестью они не пойдут. Да, они мучаются, страдают, стремятся каким-то честным способом прибавить что-то к своему бюджету. Они подрабатывают и, возможно, до изменения перерабатывают, но никогда не займутся воровством, не озлобятся, не перестанут быть доброжелательными, уважающими к окружающим. Они — личности. Они прекрасно понимают, что необходима новая Россия, истинно демократическая. Не то, что мы называем демократией сейчас, а истинно демократическая. Меня на вечерах, в беседах все время спрашивают: как же жить, что делать? Я отвечаю, что

— Булат, хочешь спросить тебя и, признаюсь, очень рассчитываю в душе на что-то утешительное: неужели траурный марш, а его нотами завершается недавняя "известническая" публикация Жванецкого, это есть та музика, которая только и может звучать сегодня? Или все же режикем по нашим благим порывам несколько преждевременно?

— Прекрасная публикация.

— Но именно потому, что этот талантливый речитатив принадлежит автору, у которого всегда вроде бы смел сказать слово, но такой плачевной тональности все же ни когда не было, я и хочу начать наш разговор с вопроса: у тебя столько же мрачных настроений, ощущение беспросветности, безысходности, крушения надежд, ведь твои публикации тоже имеют отнюдь не оптимистическое название?

— Сложный вопрос. Крушение каких надежд? Серьезных человеческих вряд ли, потому что, если они рухнули, жизнь бессмысленна и жить тогда не надо, а мы живем.

— "Когда бы не было надежд — / на черта белый свет?" И еще твои же строки: "Умирать не страшно — страшно не жить." Вот какие мысли меня одолевают. / Впрочем, эти мысли высказывал Волтер...

— Да, страшно не жить, но мы живем, хотя не так, как мнили, воображали, желали. Другое дело — надежды на перемены. И опять вопрос: на какие перемены — скорые или требующие длительного времени. Постепенно я стал понимать, что такая ситуация, как у нас, — это надолго. Переход из одного качества в другое, болезненный, трагический, потребовал и, вероятно, еще потребует и жертв, и крушения иллюзий. Потому я повторяю, что отношусь к числу грустных оптимистов. Верю, что Россия встанет, выправится, но понадобятся для этого десятилетия, сменится несколько поколений. Употребляю слово "несколько", чтобы не пугать другим — "много". Сегодня я думаю только о том, чтобы вспрыгнуть ото сна — это главное, а дальше видно будет. Может быть, я не прав, на истину не претендую. Но кто знает: кто прав, а кто не прав — это потом выяснится. Что же до Жванецкого, то с самого начала он всегда представлялся мне не юмористом, не сатириком, а писателем трагическим. И последние по времени его вещи это подтверждают.

— Ты сказал, что сегодня главное — вспрыгнуть ото сна, а в "Житейских печалях" есть горькие сечения: "Кто знал, что будет страшным пробуждением / и за окном пейзаж?"

— По роману-эпосу моему склоны были пологими, а жизнь на склонах была ухабиной, вернее, она ухабила, но уроки не шли впрок. После XX съезда вспыхнула надежда на моментальные преобразования, а вскоре мы увидели, что процесс выволакивания страны — долгий, мучительный, и руки у нас опустились, надежда погасла.

Как испортился пейзаж! Будто пропала земля. Вот вам воля и свобода — плод холодного гноя.

Искажен пейзаж счастливый — даль осенняя одна. Вместо речки шаловливой пропасть черная видна.

Я не то чтоб зло или трушу: небо, что ни говори... Но войдите в мою душу и взгляните изнутри.

— Это отдува, из тех терзаний души?

— Да, но когда началась перестройка, мы, забыв об этих терзаниях, о наших заблуждениях по поводу скорых перемен, снова попали на дилетантском общении — все свершим и быстро, и красиво, и благополучно. А если возникали какие-то предчувствия, что сразу не получится, просто не может получиться, потому что затяжное рабство укоренилось в нашем сознании, в нашей психологии, если так можно сказать, и шевелились где-то в подлосрке, мы не вникали им, словно не было печального опыта той отщепи.

— А почему ты полагаешь, что "вечный мир спасет страдания, / а не любовь и красота"?

— Своего мнения я никому не навязываю, но мое глубокое убеждение, что только страдания заставляют человека вздрогнуть и измениться.

— А вдруг, вздрогнув — погнубить, закончить с жизнью? Ты прочитал мне такие стихи, от которых, по-моему, не воспарить: "Я живу в ожидании краха, / Унижений и новых восторг. / Я, рожденный в империи страха, / Даже празднества светлым не рад". И эти страдания "в ожидании краха и новых восторг" — спуск? Получается по принципу: чем хуже — тем лучше?

— Это, между прочим, народная мудрость — "Пока горем не грянет..." Вот простой исторический пример. Знаю по документам, которые изучал, работая над "Свиданием с Бонапартом", что когда наполеоновская армия вторглась в Россию и пошел слух, усердно распространяемый французами, что они идут освобождать русских крестьян из расской неволи, то, поверив в это, многие сельские поспешили выразить пришедшим свое почтение, одарить их подношениями, а усадьбы ненавистных помещиков стали жечь, разорять. Но вскоре Наполеону подкаказали (я излагаю схему), что некое императору говорить о свободе крестьян, и посулы ее прекратились. Вот тогда-то крестьяне наконец взирая за вилы, стали бить проклятого "мусью". В России всегда мечтали о волюнтаризме, о свободе "маленьких людей" — употреблю литературный термин — и не помышляли. Дед говорил моей маме, кинувшейся в шестнадцатый лет в революцию: "А ты чего хочешь?" — "Свободы!" — "Какую еще надо свободу? У меня станок, я работаю, тебя кормлю, корова есть, все есть. Зачем мне свобода?" Психология это мало изменилась с тех пор. Приходит ко мне наш переделкинский житель, работник, милый, добрый человек. Разговариваем о жизни, о политике. Скажешь ему о свободе, он отмахнется: а зачем она? Был бы дом, телевизор, выпить-закусить, были бы денюжки в кармане. Это мы все о свободе беспоко-